
Элиза М.
Все её деньги
18+

Элиза М.
Все её деньги

https://litres.ru/75040577
SelfPub; 2026

Аннотация

«Твоя задача — потратить все мои деньги», — говорит Саша и предлагает Вере приехать к нему на море. Билеты, отель и всё остальное — за его счёт.

Вера привыкла считать каждую покупку и ждать звонка Игоря, который полгода назад попросил паузу. Саша привык зарабатывать для двоих и после ухода жены так и не придумал, чего хотел бы для себя. Он надеется, что щедрая затея поможет ему снова чему-нибудь обрадоваться. Вера соглашается на двенадцать дней у моря.

Там она ловит себя на том, что по-прежнему выбирает самое дешёвое в меню и заранее придумывает, как объяснит Игорю свой отъезд. А однажды вечером, сидя на камнях у воды, вдруг начинает напевать. И вспоминает о жизни, которую когда-то собиралась прожить.

Содержание

Глава 1. Обычный вечер 6
Глава 2. Звонок 14
Глава 3. До среды 21
Глава 4. Сборы 29
Глава 5. Юг 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Элиза М.
Все её деньги

Все её деньги

Роман

«Как бы ни был труден путь, однажды ты оглянешься и поймёшь, чему он тебя научил».

Содержание

Глава 1. Обычный вечер 4
Глава 2. Звонок 12
Глава 3. До среды 19
Глава 4. Сборы 27
Глава 5. Юг 35
Глава 6. Яхта 42
Глава 7. Ночью у моря 49
Глава 8. Забота, которую не просили 56
Глава 9. Данил 64
Глава 10. Не то смятение 72
Глава 11. Как это было 78
Глава 12. Хорошо 85
Глава 13. Ещё один вечер 92
Глава 14. Контейнер 98
Глава 15. Закат без повода 105
Глава 16. Сколько ты потратила 112
Глава 17. Галька 118

Глава 18. Ракушка 124
Глава 19. Список 131
Глава 20. Аэропорт 138
Глава 21. Дома 144
Глава 22. Тетрадь 151
Глава 23. Поезд 158

Глава 1. Обычный вечер

Утро у Веры начиналось с чата. Она ещё не успевала дойти до кухни, а телефон уже вибрировал в руке: заказчик спрашивал, готов ли отчёт, коллега из соседнего отдела просила «быстренько глянуть» таблицу на сорок листов, начальница писала, что созвон переносится на десять и нужно «подготовить цифры». Она отвечала, стоя в одних носках на холодном линолеуме, и только потом ставила чайник.

Работа была такая, что можно было не выходить из квартиры неделями. Таблицы, формулы, сводные отчёты, созвоны в наушниках с людьми, которых она видела только по пояс и в маленьких квадратиках. Обедала она за тем же столом, где работала, и к вечеру на клавиатуре оставались крошки от печенья, которые она вытряхивала над раковиной, не глядя.

В пятницу ей позвонила мама. Вера как раз заканчивала сводный лист и ответила, зажав телефон плечом.

— Ты ела? — спросила мама.

— Ела.

— Что?

— Суп.

— Какой суп, у тебя же нет супа.

— Мам, я работаю.

— Я не мешаю, я только спросить. — Мама помолчала. — Ты бы хоть на выходные приезжала.

— Постараюсь.

Вера уже знала, что не поедет. Им с мамой давно не о чем было говорить дольше трёх фраз, и каждый разговор заканчивался долгим молчанием, в котором обе ждали, кто первым скажет «ладно». К вечеру Вера почувствовала лёгкую вину и тут же отодвинула её в сторону, потому что в списке дел вина шла последней.

К шести у неё начинали болеть глаза. Не сильно, а как-то по краю, будто кто-то слегка нажимал пальцем на веко изнутри. Она закрывала ноутбук, снимала наушники, и в квартире становилось так тихо, что слышно было, как гудит холодильник и как этажом выше кто-то двигает стул.

В такие часы она обычно что-нибудь делала: мыла плиту, которая и без того блестела, перебирала крупы, листала ленту. Три недели назад вместо этого она открыла афишу городского Дома культуры и купила билет на концерт приезжей группы. Выбрала место с краю, в седьмом ряду. Заплатила шестьсот рублей и закрыла страницу, потому что боялась передумать.

Группа ей ничего не говорила. Зацепило другое: концерт был в том самом зале, где она с восьми до двенадцати лет пела в детском хоре и куда с тех пор ни разу не заходила.

Передумывать она начала в шесть пятнадцать.

Можно было остаться. Заварить чай, включить сериал, который она смотрела третий месяц по одной серии в вечер. Никто бы не заметил. Никто бы не спросил, почему она не

пошла. Именно это её и подтолкнуло: она встала, достала из шкафа чёрное платье, в котором ходила на корпоративы, и надела его, поглядывая в зеркало на двери. Платье село иначе, чем год назад. Свободнее в талии. Она подумала, что надо бы поесть нормально, и тут же забыла об этом.

Помаду она нашла в сумке, на дне, под связкой ключей. Красить губы в одиночестве было странно, как накрывать на стол для гостей, которые не придут. Она всё равно накрасила. Потом стёрла половину салфеткой, потому что слишком ярко. Потом посмотрела на себя ещё раз, сверху вниз, и надела поверх платья пуховик, потому что на улице был март, а март в их городе никогда не делал скидок на красоту.

Автобус шёл двадцать минут. Она села у окна и смотрела, как фонари на площади размазываются от дождя в жёлтые кляксы. В салоне пахло мокрой курткой соседа и чьими-то духами, слишком сладкими для такой слякоти. Парень напротив читал что-то с телефона, шевеля губами. Две женщины в конце салона обсуждали рассаду, хотя до посадки было ещё два месяца, и одна говорила другой, что помидоры надо сеять пораньше, а то «потом уже поздно будет».

От остановки до крыльца было метров сто, и все они оказались под дождём. Вера шла по краю тротуара, обходя лужи, и каблуки ботинок то и дело проваливались в рыхлый серый снег. На афише у входа, мокрой и перекошенной, название группы было написано от руки, а под ним кто-то приписал фломастером «аншлаг». Аншлага не было. Она посмотрела

на надпись и вдруг почувствовала что-то вроде симпатии к тому, кто её сделал.

У ДК стояли несколько курильщиков с поднятыми воротниками. Один из них что-то рассказывал, размахивая сигаретой, и остальные смеялись, и этот смех пролетел мимо Веры, не задев.

В фойе гардеробщица, женщина лет шестидесяти с поджатыми губами, приняла у неё пуховик и протянула номерок.

— Одна? — спросила она.

— Одна.

— Ну и правильно. Вдвоём только мешают слушать.

Вера не поняла, шутка это или нет, но кивнула. Номерок оказался тёплым от чужих рук. Она сунула его в карман платья и пошла в зал.

Там стояли столики с самодельными значками и дисками, которые уже никто не слушал. Она отдала билет контролёру, получила обратно оторванный корешок и зачем-то тоже сунула его в карман. Зал был заполнен на треть. Люди сидели парами и компаниями, переговаривались, кто-то снимал на телефон пустую сцену. Вера опустилась на своё место с краю и поняла, что слева и справа от неё никого нет. Седьмой ряд в эту пятницу оказался её личным.

Отсюда сцена казалась ниже, чем она помнила. У левой кулисы на досках светилось протёртое пятно: там стоял первый ряд хора, и она стояла там, в белой блузке с бантом, и

пела, глядя поверх голов на красную лампочку над выходом. Лампочка висела на том же месте.

Группа вышла с опозданием на двадцать минут. Четверо, солистка в длинной красной юбке, у ударника на запястье болтались какие-то верёвочки. Первая песня прошла так себе: звук гулял, гитара тонула в басе, солистка то и дело поправляла наушник. Вера сидела с прямой спиной, как на собеседовании, и ждала, когда внутри что-нибудь откликнется.

На третьей песне откликнулось.

Ничего особенного в ней не было. Простая мелодия, три аккорда, слова про человека, который уходит рано утром и оставляет на столе незакрытую банку с вареньем. Но солистка пела её тихо, почти без микрофона, и зал вдруг стих. Кто-то в третьем ряду перестал шуршать пакетом. Рядом с Верой по-прежнему никого не было, и она не стала ничего делать: ни вытирать глаза, ни доставать платок. Просто сидела и позволяла этому идти, пока песня не кончилась. Пол у левой кулисы скрипнул под ногой гитариста, и скрип был тот же, что в детстве.

Потом были ещё песни, бодрые, на них хлопали. Вера хлопала вместе со всеми. На последней, с припевом, который можно было подпевать, часть зала встала, и она тоже встала, и стояла так, в красной помаде, которая наполовину стёрлась, покачиваясь в такт, как все.

Когда включили свет, зал оказался меньше и старее, чем в темноте. Лампы под потолком гудели. Люди потянулись к

выходу, переговариваясь, и Вера двигалась вместе с потоком, пока не оказалась в гардеробе. Гардеробщица молча протянула ей пуховик.

— Понравилось? — спросила она.

— Да, — сказала Вера. Подумала и добавила: — Одна песня.

— Одной хватает, — сказала гардеробщица, и отвернулась к следующему.

На крыльце курильщики уже разошлись. Асфальт блестел под фонарями. Вера достала телефон, открыла мессенджер и пролистала вниз. Ей никто не писал. Она подержала телефон в руке и убрала обратно.

Домой она ехала с последним автобусом. Салон почти пустой, водитель включил радио, оттуда доносился голос ночного диджея, говорящего про погоду на завтра. Она прижалась лбом к холодному стеклу. Мимо проплывали закрытые магазины, аптека с зелёным крестом, остановка, на которой никто не стоял.

В подъезде горела только одна лампочка, на втором этаже. Вера поднялась на свой пятый, открыла дверь, включила свет в прихожей. Квартира встретила её запахом, который она перестала замечать несколько лет назад: смесь стирального порошка, старых книг и чего-то нежилого, будто здесь давно никто не ссорился и не смеялся.

Она скинула мокрые ботинки, повесила пуховик на крючок и прошла на кухню. Поставила чайник. Достала кружку,

ту, с отбитой ручкой, которую Игорь когда-то называл «своей» и которая теперь стояла на полке без хозяина.

С Игорем они не расстались. Просто в какой-то момент перестали быть вместе, оставаясь вместе. Он сказал это на кухне, в этой самой, пока она мыла посуду: «Мне нужна пауза». Она не обернулась. Продолжала тереть тарелку, на которой давно не осталось ни пятнышка, и ответила: «Хорошо». Он постоял за её спиной. Она слышала, как он дышит. Потом он вышел, и она услышала, как закрылась входная дверь. Мягко, не хлопнув. Он всегда закрывал двери мягко.

Это было полгода назад.

Первые недели она ждала. Не звонка, а какого-то знака: что он передумает, что приедет с цветами, что хотя бы спросит, как у неё дела. Потом перестала ждать и начала привыкать. Это оказалось хуже. Ждать было больно, а привыкать оказалось пусто, как после операции, когда боль ушла, а на её месте не появилось ничего.

Чайник щёлкнул. Она налила кипяток в кружку, взяла её двумя руками и села на подоконник с ногами, как в детстве. За окном дождь прекратился, но фонари всё ещё дрожали в лужах. Она смотрела на пустой двор, на припаркованные у подъезда машины, на светящееся окно в доме напротив, где кто-то допоздна не спал.

Сколько таких вечеров у неё уже было? Она попробовала посчитать и сбилась. Ей показалось, что их было слишком много, чтобы считать, и слишком мало, чтобы они что-

то значили. Они просто копились, как пыль на верхней полке, которую не видно, пока не встанешь на стул.

Телефон завибрировал на подоконнике в половине двенадцатого. Она вздрогнула, чуть не расплескав чай. Незнакомый ритм вибрации, длинный, настойчивый. Она перевернула телефон экраном вверх и прочитала имя, которого не видела в звонках месяцами.

Саша.

Глава 2. Звонок

Она не взяла сразу. Смотрела, как имя мигает на экране, и думала, что звонить в половине двенадцатого человек может только в двух случаях: если что-то случилось или если ему нужны деньги. Ни того ни другого ей не хотелось.

Последний раз они разговаривали в октябре. Он прислал голосовое на четыре минуты, в котором перескакивал с темы на тему: про новый запуск, про то, что надо бы ей всё-таки приехать на конференцию, про какую-то смешную историю с таксистом. Она ответила через два дня текстом. Он поставил сердечко. На этом всё закончилось.

На пятой секунде она всё-таки провела пальцем по экрану.

— Привет, прости, что поздно, — голос у него был не такой, как обычно. Обычно Саша говорил быстро, уверенно, с той лёгкой самоиронией, которая у успешных людей звучит как расслабленность. Сейчас в голосе была пауза перед каждым словом. — Я просто не знаю, к кому обратиться.

— Привет. Что случилось?

На том конце выдохнули, и она услышала фон: ветер, а может, море, какой-то далёкий шум, который у неё в городе никогда не бывал.

— Не знаю, как начать, — сказал он. Помолчал. — В какой-то момент я упёрся в потолок по своему доходу. Долго

не мог понять, в чём дело. Я купил наставничество за миллион, и мы выяснили, что в моих инструментах всё окей. Воронки, продукт, команда, всё работает. А он выдвинул гипотезу. Что раньше мне было для кого зарабатывать, для моей жены. А сейчас её нет. И мне много не надо, нет мотивации зарабатывать больше.

Вера слушала и смотрела в тёмное окно, в котором отражалась лампа и её собственное лицо, бледное, с пятном чая на воротнике. Они познакомились пять лет назад на онлайн-курсе по аналитике, где он вёл поток, а она вела таблицы и отчёты для всей группы. Он тогда писал ей в личку по ночам: «Ты не спишь? Тут формула сломалась». Она не спала, и формулу они чинили вместе, переписываясь до двух часов. Потом много общались в мессенджерах, перебрасывались мемами и идеями, пару раз созванивались по рабочим вопросам.

Жену его она видела один раз, на дне рождения общего знакомого, три года назад. Тихая, спокойная женщина, которая рано ушла с вечеринки и перед уходом спросила Веру, не замёрзла ли она у открытого окна. Вера тогда ответила: «Нет, мне нормально». Она до сих пор помнила, как та посмотрела: коротко, внимательно, как смотрят люди, которые замечают лишнее.

— И? — сказала Вера.

— И я не знаю, что с этим делать, — сказал он. — Я очень тебя уважаю, как друга и как девушку. Хочу предложить тебе

следующее.

Что-то у неё внутри напряглось, привычно и быстро, как напрягается рука перед тем, как схватить горячую кастрюлю. Она уже знала, как женщины слушают начало таких фраз.

— Ты давно не была в отпуске, — продолжил он. — Я оплачу тебе всю поездку в мой город. Под ключ. Отель, билеты, развлечения, всё с меня. Твоя задача — потратить все мои деньги. Без подтекста. Просто весело проведём время.

Вера молчала. Где-то на лестнице хлопнула дверь, послышались шаги, затихли этажом ниже.

— Саш, это как-то…

— Я понимаю, как это звучит, — перебил он мягко. — Поэтому говорю заранее: подумай. Никакого срока. Просто подумай.

— Ты правда не шутишь?

— Я правда не шучу. Мне нужно снова научиться чего-то хотеть. Попробовать хотя бы на ком-то другом, раз на себе не получается. — Он коротко, невесело усмехнулся. — А тебе, по-моему, нужно немного солнца. Ты уже год пишешь, что вечно сидишь в таблицах.

— Я не писала.

— Писала. Осенью, в переписке.

Она не помнила, чтобы писала. Но возразить было нечем.

— Дай мне подумать, — сказала она.

— Конечно. Спокойной ночи.

Он не стал давить дальше, не стал уговаривать, не доба-

вил ни одного слова. Просто попрощался и повесил трубку, и в этой тишине было больше такта, чем во всех уговорах, которые она слышала за последний год.

Вера положила телефон на подоконник. Чай в кружке остыл, и она отпила его всё равно, не чувствуя вкуса. Потом встала, прошлась по кухне, выглянула в тёмный двор и зачем-то проверила, закрыта ли форточка. Форточка была закрыта.

Первая мысль была про Игоря. Не «что он скажет», а как именно он это скажет. Она представила: вот она пишет ему, коротко, без подробностей, «меня позвали на неделю к морю». Вот он читает. Вот отвечает через несколько часов, не раньше: «Ну, смотри». Или: «А работа?» Или просто ставит палец вверх, который ничего не значит. Она так ясно увидела эту картинку, что даже услышала его интонацию, спокойную, чуть скучающую, как у человека, которому сообщили о смене расписания электричек.

Потом она подумала: а почему я вообще собираюсь ему писать? И не нашла ответа.

Она открыла холодильник. Там стояли йогурт с истекающим сроком годности, полбатона и банка огурцов, которые ей когда-то привезла мама. Она достала йогурт, съела его стоя, ложкой из банки, глядя на тёмный экран телефона. Он не светился. Никто не писал.

«Без подтекста». Она прокрутила эти слова несколько раз, как подбрасывают монету, пытаясь угадать, какой стороной

она упадёт. Подтекст, конечно, был. Он был в любой фразе, которую мужчина произносит ночью по телефону, даже когда сам искренне не хочет её вкладывать. Но было и другое, чему она не могла подобрать слово. Он позвонил не за помощью. Он позвонил оттого, что ему было плохо, и выбрал её, хотя мог выбрать любого.

А ещё была цена. Она сразу про неё подумала, и ей стало неловко от этого. Отель, билеты, развлечения. Для него это было как купить кофе, а для неё сумма, которую она копила бы полгода. И где-то на самой границе сознания шевельнулось нехорошее: что люди, у которых много денег, привыкли, что отказываться от их предложений неудобно. Что за подарком всегда стоит чей-то расчёт, даже если сам даритель ещё о нём не знает.

Она взяла телефон и открыла старую переписку. Листать пришлось долго: за пять лет там накопились тысячи сообщений. Вот он пишет в два часа ночи: «Всё, я сдаюсь, у меня Excel вообще не считает, помоги». Вот она отвечает: «У тебя в ячейке пробел перед цифрой». Вот он: «Ты гений. Я тебя люблю как аналитика». Она тогда посмеялась и отправила смайлик с очками.

Он всегда писал так, будто между ними не было никакой дистанции. Ни разу не упомянул, сколько зарабатывает, ни разу не сказал «ты же понимаешь, я занятой человек». Просто писал, когда было что сказать. Это ей нравилось больше всего. С Игорем разговор всегда нужно было начинать

с оправдания: «если ты не занят», «прости, что отвлекаю». Саша никогда не заставлял её извиняться за то, что она существует.

Ближе к концу ленты сообщения стали реже. Одно в ноябре, одно в декабре. «Как ты?» — «Нормально, работаю». Больше ничего. Она вдруг увидела со стороны, как исчезает человек из чужой жизни: не со скандалом, а потихоньку, по одному сообщению в месяц, пока не остаётся только имя в списке контактов.

Она поймала себя на том, что открыла его страницу. Последние фото были с января: набережная, какой-то ресторан, закат над водой, снятый, видимо, с балкона. Подпись: «Тихо». Под ней три комментария от людей, которых она не знала. Тёплый свет, пустой стул на заднем плане. Она увеличила снимок. Стул был один.

Деньги. Она всё-таки вернулась к этому, не выдержала. Достала приложение банка и посмотрела баланс. Достаточно, чтобы заплатить за квартиру, купить продуктов и не думать о завтрашнем дне. Недостаточно, чтобы поехать куда-то просто так, потому что захотелось. Она давно не позволяла себе «просто так». Каждая покупка проходила через внутренний суд: нужно ли, можно ли, не пожалеешь ли. Даже на тот концерт, на шестьсот рублей, она решалась неделю.

А теперь человек, которого она видела раз в жизни вживую, предлагал ей потратить столько, сколько получится, и не считать. Это не укладывалось в голове. Это было как пред-

ложение пройти по комнате с закрытыми глазами, зная, что мебель убрали.

Вера положила телефон на подоконник экраном вниз. Прошлась по квартире, не включая свет. В комнате на кровати лежала неубранная куртка Игоря, которую он забыл полгода назад и за которой так и не приехал. Она не трогала её с тех пор. Не из сентиментальности. Просто не знала, что с ней делать.

Она села на край кровати и положила ладонь на воротник куртки. Ткань была холодная и немного жёсткая.

Долго сидела так, в темноте, пока в доме напротив не погасло последнее окно, а фонарь во дворе не мигнул и не остался гореть дрожащим жёлтым пятном на мокром асфальте.

Глава 3. До среды

До среды она носила эту мысль в себе, как камешек в кармане: то забывала, то нащупывала пальцами и снова начинала вертеть.

В субботу она почти не думала об этом. Проснулась поздно, дошла до магазина за молоком и хлебом, постояла у кассы за женщиной, которая пересчитывала мелочь на ладони, и вышла на улицу, где во дворе снег уже превратился в серую кашу с вмёрзшими окурками. Дома перемыла посуду, протёрла пыль с подоконников, перебрала ящик с носками. К вечеру квартира блестела, а Вера чувствовала себя так, будто сдала экзамен, к которому не готовилась.

В воскресенье позвонила мама. Говорила про цены на гречку, про соседку, которая переехала к дочери, про то, что у них опять отключали воду. Говорила ровно и как будто мимо, а один раз остановилась на полуслове и замолчала, и Вера слышала в трубке, как она дышит. «Ладно, это потом», — сказала мама. Вера слушала, поддакивала и ждала момента, чтобы сказать: «Мам, меня позвали в отпуск». Момент не наступил. Мама спросила: «Ты чего такая тихая?» — и Вера ответила: «Устала», потому что это было проще, чем объяснять. Мама помолчала и сказала, что тогда пусть ложится пораньше. Они попрощались, и Вера ещё долго держала телефон в руке, глядя, как гаснет экран.

В понедельник она проснулась в семь и первым делом проверила мессенджер. Новых сообщений нет. Саша не написал и не позвонил, и она почувствовала что-то среднее между облегчением и обидой. Весь день она проработала как в тумане: открывала таблицы, правила формулы, отвечала в чатах, но то и дело ловила себя на том, что смотрит не на цифры, а в окно, где за голыми ветками тополя тянулась серая полоса крыш. На созвоне она пропустила вопрос начальницы, и той пришлось повторить дважды. Вера извинилась и сказала, что связь барахлит.

В обед она зашла на сайт авиакомпании и посмотрела, сколько стоит билет до южного города. Цена оказалась такой, что она закрыла вкладку и больше не открывала. Саша мог оплатить это одним касанием, даже не заметив. Для неё это был трёхмесячный отпуск от всего, который она бы не позволила себе ни при каких обстоятельствах.

Она попробовала представить: вот она заходит в отель, а портье спрашивает фамилию, и оказывается, что всё оплачено. Вот она заказывает ужин и не смотрит в правую колонку меню. Вот она садится в такси и не считает, хватит ли до зарплаты. Картинка выходила красивая и совсем не её. Как чужая фотография в рамке, которую вешают на стену, чтобы гостям казалось, будто здесь кто-то живёт.

Вечером она открыла заметки и написала столбиком: «Что могу сама». Билет обратно. Еда в дороге. Какой-нибудь подарок Саше, чтобы не приехать с пустыми руками.

Посмотрела на список, на сумму, которая получалась, если сложить, и зачеркнула билет. Потом вернула. Потом начала писать Саше: «Давай я хотя бы…» — и стёрла, не дописав. Что «хотя бы»? Он же сказал прямо: потратить его деньги. Отказываться значило обидеть. Соглашаться значило брать. Она не умела ни то ни другое.

Во вторник в рабочем чате кто-то спросил, кто куда на майские. Посыпались ответы: «На дачу», «К родителям в Казань», «Хочу в Турцию, но цены, конечно». Коллега из бухгалтерии прислала фотографию мангала и подпись «Планы!». Вера смотрела на бегущую ленту сообщений, и ей казалось, что все эти люди стоят на одном берегу, а она на другом, и между ними вода. Она набрала: «Пока не знаю». Отправила. Ей тут же поставили лайк.

Во вторник она полезла в ящик за зарядкой и наткнулась на другую, чужую, с обгрызенным кончиком провода. Зарядка Игоря. Он оставил её полгода назад, когда уходил «на паузу», и потом не спросил ни разу. Она стояла с ней в руках и не знала, куда деть. Выбросить казалось предательством, оставить казалось унижением. Положила обратно, задвинула ящик ногой.

Вечером она открыла переписку с Игорем и долго читала. Последнее сообщение: «Созвонимся на неделе». Одиннадцать дней назад. Выше шли такие же: короткие, ровные, с точками в конце. Раньше он писал без точек. Раньше она бы не заметила.

Она всё ещё любила его. Это было странно и унизительно, но вот так. Любила его привычку складывать носки в идеальные пары, голос, которым он читал вслух дурацкие новости, то, как он засыпал на левом боку, отвернувшись к стене, и она лежала и смотрела ему в затылок. Помнила, как в первую неделю после знакомства он пришёл чинить ей кран на кухне, пробыл два часа, перемазался до локтей и сказал, что руки у него растут «из правильного места». Потом они сидели на этой же кухне, пили чай из той самой кружки, и она думала, что вот теперь всё будет хорошо.

Любила того Игоря, который был три года назад. А тот, что сейчас писал ей с точками, был кем-то другим. И Вера не знала, как разлюбить человека, которого уже нет, но чьё имя всё ещё стоит в списке контактов.

Ночью она не спала. Лежала на боку, слушала, как за стеной сосед кашляет и включает воду, и вдруг вспомнила, что сказал Саша: «Раньше мне было для кого зарабатывать». Она повернулась на спину и стала считать, для кого зарабатывает она. Для себя, получается. На квартиру, еду, интернет. А что она купила себе за последний год, просто так, не из необходимости? Попыталась вспомнить и не смогла. Крем для рук, пожалуй. Два билета в кино, на которые Игорь не пришёл.

Она не то чтобы жаловалась. Жизнь у неё была ровная и в чём-то даже удобная. Просто в этой ровности было что-то стёртое, как монета, которую слишком долго носят в кармане: достоинство ещё различимо, а изображения уже не вид-

но.

Вина шевелилась где-то под рёбрами каждый раз, когда она думала о поездке. Будто, соглашаясь на подарок от другого мужчины, она изменяла чему-то, чего у неё с Игорем давно уже не было. Умом она это понимала. Сердце понимало хуже. Она даже поймала себя на том, что мысленно ведёт с Игорем спор: «Я же ничего не делаю, это просто друг». И тут же оборвала себя: перед кем оправдываюсь, он же не спрашивает.

В среду по дороге из аптеки она остановилась у автобусной остановки. На щите с рекламой турагентства загорелая девушка в соломенной шляпе смеялась на фоне синей воды. Надпись: «Море ждёт». Кто-то приписал ниже маркером «а ты нет». Вера постояла, глядя на щит, пока не подошёл автобус, и пропустила его. Ноги промокли в слякоти, носки хлюпали. Она подумала, что люди на таких плакатах никогда не бывают в мокрых носках.

В среду вечером она позвонила Кате.

— Ну? — сказала Катя без приветствия. — Ты что-то хотела рассказать, я по голосу слышу.

— Откуда по голосу.

— У тебя в голосе висит вопрос, как бельё на верёвке. Давай.

Вера рассказала. Коротко, потому что длинно не получалось: про звонок, про предложение, про «без подтекста». Катя слушала, и в трубке слышно было, как она что-то поме-

шивает ложкой в кастрюле, как шипит масло на сковородке.

— Это тот Саша, с которым вы вместе курс вели?

— Не вместе. Я у него таблицы вела.

— Неважно. Он нормальный?

— Да. Просто… ему сейчас плохо.

— Ага. И он решил, что лучшее лекарство — позвать тебя на море. Логично. — Катя хмыкнула. — А ты чего боишься?

Вера помолчала.

— Игоря.

— Игоря? — Катя отложила ложку, было слышно. — Ты вообще должна ему что-то? Он тебе последний раз звонил когда?

Вера не ответила сразу. Из соседней квартиры доносился телевизор, невнятно, с эхом, как из колодца.

— Вот именно, — сказала Катя. — Поезжай. Ты в отпуске не была с прошлого лета. И это не свидание, это друг.

— Ты думаешь?

— Я думаю, что ты с пятницы носишь это в себе, и голос у тебя как у человека, которого заперли в чулане. И ещё я думаю, что море никому не повредило. Всё, дальше сама.

— А если он потом что-нибудь…

— Что «что-нибудь»? Скажет, что ты ему должна? Вер, ты его сто лет знаешь. Он бы тебя не позвал, если бы был из таких.

— Люди меняются.

— Меняются. Но не за пять лет переписки в два часа ночи.

— Катя на секунду замолчала, и в трубке стало слышно, как у неё что-то зашипело громче. — Ой, пригорает. Позвони потом, расскажешь, что решила.

Положив трубку, Вера ещё долго сидела на диване, подтянув колени к груди. Потом встала, открыла рабочий календарь, проверила даты, посчитала накопленные отгулы вместе с выходными. Выходило двенадцать дней.

С субботы по среду следующей недели включительно. Двенадцать дней. Она прикинула, что делала в последние двенадцать дней. Ничего. Работала, ходила в магазин, один раз на концерт. Двенадцать дней могли пройти вот так же, как предыдущие, и никто бы не заметил разницы.

Она написала Саше: «Согласна». Одно слово. Отправила и тут же положила телефон экраном вниз, как будто он мог сам что-то добавить.

Ответ пришёл через минуту: «Отлично. Билеты и бронь пришлю завтра».

Она перевернула телефон, чтобы добавить то, о чём не сказала. Вера успела подумать, что не выбрала обратный билет, хотя только что проверяла рабочий календарь. Написала ему, что может взять отгулы с субботы по среду. На экране появилось «печатает», исчезло и появилось снова. «По среду через неделю, да? — спросил он наконец. — А то на четыре дня ты даже дым с куртки не проветришь».

Она перечитала свою фразу и засмеялась. Написала: «Да, через неделю. Обратный тоже сразу, пожалуйста». Саша

прислал большой палец и больше ничего. Всё оказалось так просто, что Вера ещё какое-то время сидела на диване в ожидании подвоха. За стеной заработала стиральная машина. Она знала, сколько длится у соседей отжим, знала, когда утром хлопнет их дверь. Через три дня на месте этих звуков будет что-то, чему она пока не могла придумать названия.

Вера встала, отдёрнула занавеску и увидела в окне собственное отражение, а за ним двор. В песочнице осталось перевёрнутое синее ведёрко. Она видела его ещё утром. Завтра кто-нибудь выйдет, поднимет или оставит как есть. Вера привычно подумала, что можно было бы спуститься и убрать самой. Потом оставила занавеску открытой и повернулась к комнате.

Она посидела ещё немного, потом пошла на кухню и вымыла чашку, которая стояла в раковине второй день.

Глава 4. Сборы

Билеты пришли в четверг утром, пока она ещё не успела допить кофе. Маршрутные квитанции туда и обратно, ссылка на бронь отеля и сообщение: «Вылет в субботу, в 7:40. Номер с видом на море, не благодари». Она открыла билет и первым делом посмотрела на цену, хотя на электронных билетах её обычно не пишут. Цены не было. Только фамилия, номер рейса и место: 14A.

У окна.

Вера перечитала. Она никому об этом не говорила, кроме, может быть, одного раза, в переписке, лет пять назад, когда они обсуждали какую-то командировку и она мимоходом написала: «Только чтобы у окна, я в проходе не могу». Он ответил тогда «окей» и больше не вспоминал. А теперь вот: 14A.

«Что мне взять?» — написала она.

«Себя. Остальное купим».

«Саш, я не могу приехать с одним паспортом».

«Тогда возьми купальник и ноутбук на всякий случай. Хотя ноутбук лучше не надо».

«Какой купальник, там же март».

«Там плюс семнадцать, плюс двадцать. Купаться никто не заставляет. Просто смотреть на воду».

Она улыбнулась, сама того не заметив, и отложила теле-

фон.

Чемодан у неё был один, старый, с треснувшим креплением одного колёсика. Он стоял на антресоли за коробкой с ёлочными игрушками, и чтобы его достать, пришлось встать на табуретку и стащить сначала коробку, потом свёрток с зимними одеялами, а потом уже и сам чемодан, пыльный, с наклейкой «Сочи, 2014» на боку, которую она в своё время приклеила для красоты и потом не смогла отодрать. Брала она его два раза за пять лет, и оба раза не в отпуск: один раз на похороны дедушки, второй к родителям на мамин юбилей. От этой мысли ей стало не по себе, и она отогнала её, открывая молнию. Внутри пахло лавандовыми пакетиками.

Она разложила его посреди комнаты и стала доставать вещи. Свитера, джинсы, одна юбка на все случаи жизни. Для юга в марте этого было бы много и одновременно мало: свитера тяжёлые, а лёгкого почти ничего. В шкафу нашлась пара футболок, серая рубашка в полоску, которую она носила на работу в жару, когда ещё ходила в офис, и сарафан, купленный четыре года назад и ни разу не надёванный, потому что ждала случая.

Она приложила сарафан к себе перед зеркалом. Был светлый, лёгкий, с мелким голубым цветком. Она смотрела на своё отражение и пыталась представить, как выглядит человек, который идёт в этом по набережной. Не получалось. Человек в зеркале стоял в домашних штанах, с растрёпанным хвостом и держал на себе сарафан, как вешалка.

Вечером она заказала на маркетплейсе два платья и лёгкое пальто. Не примеряя, наугад, по размеру, который помнила. Одно платье было тёмно-зелёное, с запахом, другое — простое, чёрное, на тонких лямках. Пальто было серое, из тонкой шерсти, с глубокими карманами. Заказала с доставкой в пункт выдачи, чтобы забрать в пятницу после работы.

Катя, узнав, прислала сообщение: «Покажешь?» Вера ответила: «Приедут, покажу». Катя написала: «Бери зелёное, не будь собой».

Начальнице она сказала в пятницу утром, на созвоне, после рабочих вопросов. Подбирала слова заранее, но получилось всё равно коротко.

— Мне нужно будет отлучиться на две недели. Семейные обстоятельства.

Начальница, женщина лет сорока пяти, с аккуратным каре и привычкой быстро кивать, на секунду замерла в своём квадратике.

— Всё в порядке?

— Да. Всё нормально. Просто надо.

— Хорошо. — Она ещё раз кивнула. — Только отчёт по кварталу мне нужен до отъезда. Сможешь?

— Сдам заранее.

— Тогда без проблем.

Вера отключилась и посидела минуту, глядя на тёмный экран. Врать было непривычно. Не потому что она боялась, что поймают, а потому что слово «обстоятельства» ей пока-

залось слишком большим для того, что с ней происходило. Но другого слова она подобрать не смогла. Не скажешь же: «Меня позвал друг, которому плохо, на море, за его счёт».

Платья она забрала в шесть вечера в пункте выдачи, в тесной комнате, где пахло картоном и чьими-то духами. Парень за стойкой выдал ей два пакета и попросил оценить работу. Вера поставила пять звёзд, не глядя.

Дома она вывалила всё на кровать и сначала примерила чёрное. Оно село плохо: на тонких лямках, слишком открытое для её привычек, с вырезом на спине, о котором на фотографии не было ни слова. Она повернулась перед зеркалом, пытаясь увидеть себя чужими глазами, и увидела женщину, которая надела платье не по случаю. Сняла.

Зелёное село иначе. Запах, мягкая ткань, длина чуть ниже колена. Она провела ладонью по поясу, и ткань легла по бёдрам так, будто ждала именно этого движения. Вера стояла перед зеркалом, не двигаясь, и разглядывала себя. Плечи, ключицы, чуть растрёпанные волосы. Она давно не смотрела на себя так долго и не по делу.

Сфотографировала и отправила Кате. Ответ пришёл через минуту: «Ну вот. Я же говорила». Вера улыбнулась и убрала чёрное обратно в пакет. Пусть едет с ней на всякий случай.

Отчёт она доделывала до ночи. Сидела над таблицами, сверяла цифры, пила третью чашку чая. За окном шёл мокрый снег, и в свете фонаря было видно, как он стекает по

стеклу косыми полосами. В двенадцатом часу она отправила файл и получила от начальницы сухое «Спасибо, получила». Облегчение пришло не сразу, а как-то запоздало, через несколько минут, когда она уже мыла чашку.

Игорю она не написала. Хотела. Раз пять открывала переписку и набирала: «Уезжаю к морю». Стирала. Набирала: «Меня не будет две недели». Стирала. Набирала: «Привет». Смотрела на это слово и тоже стирала. В итоге закрыла приложение, ничего не отправив. Пусть узнаёт, как хочет, если вообще заметит паузу длиннее обычной.

Зато она убрала с кровати его куртку. Подняла, встряхнула, сама удивившись, какая она лёгкая, и повесила в шкаф на крайнюю вешалку, где та оказалась в окружении её платьев и выглядела как гость, забредший не на ту вечеринку. Закрыла дверцу.

В субботу в половине пятого она уже не спала. Лежала, смотрела на потолок и слушала, как за окном дворник скребёт лопатой по льду. Мама позвонила в без пяти пять, будто чувствовала. Вера взяла трубку, сидя на краю кровати.

— Ты что не спишь?

— Мам, я уезжаю. На пару недель.

— Куда?

— К знакомым. На юг.

— С кем?

— С друзьями.

В трубке повисло молчание. Вера слышала, как мама ды-

шит, как скрипит у неё под рукой клеёнка на кухонном столе.

— Деньги-то есть? — спросила мама.

— Есть.

— Зонт возьми. Там дожди бывают, я по телевизору видела.

— Возьму.

— И звони, как долетишь.

— Позвоню.

— Вер.

— Что?

— Ничего. — В трубке что-то зашуршало. — Давай. — Мама положила трубку первой. Это было на неё не похоже.

В аэропорт она ехала на такси, потому что автобусы в такую рань не ходили. Водитель молчал, радио бубнило что-то про пробки. Вера сидела на заднем сиденье, держа на коленях сумку, и смотрела, как за окном проплывают тёмные дома, редкие освещённые окна, застывшие на светофорах фуры. Чемодан в багажнике подпрыгивал на ухабах, и она слышала, как его колесо глухо стучит о стенку.

В здании аэропорта было тесно и душно, пахло кофе и чужими куртками. Девушка за стойкой регистрации взяла её паспорт, пощёлкала по клавиатуре и посмотрела на экран с лёгким удивлением.

— Всё оплачено, багаж включён, — сказала она. — Хорошего полёта.

Вера кивнула. Она ждала чего-то ещё, вопроса, сомнения,

но девушка уже смотрела мимо неё, на следующего пассажира.

Она прошла досмотр, сняла ботинки и ремень, поставила сумку на ленту. Потом села на скамейку у выхода на посадку и посмотрела на табло. 7:40. До вылета оставалось сорок минут, и она впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на азарт. Не радость, а именно азарт, лёгкое головокружение от неизвестности, как перед прыжком в воду.

Объявили посадку. Она встала в очередь, показала телефон с кодом и прошла по гулкому рукаву к самолёту. На своём месте 14А села у окна, пристегнулась и посмотрела наружу. Там было серое утро, мокрая бетонная полоса, оранжевая жилетка техника, махающего кому-то рукой.

Телефон завибрировал в руке, когда она уже пристегнулась. Сообщение от Саши: «Жду. Машина будет встречать у выхода».

Она посмотрела на экран, потом перевела телефон в авиарежим.

Самолёт тронулся. Сосед по ряду, грузный мужчина в вязаной шапке, уснул ещё до разгона и теперь мерно посапывал, привалившись к спинке. Вера держалась за подлокотник. Двигатели загудели громче, и её вдавило в кресло, а в окне бетон побежал назад, всё быстрее, пока не превратился в серую смазанную полосу. Потом толчок, лёгкость, и город внизу провалился: сначала крыши, потом дороги, потом целые кварталы, похожие на детские кубики.

Она долго смотрела вниз. Где-то там, в одном из этих кубиков, остались её квартира, неубранная кровать и чужая куртка в шкафу, и ей вдруг показалось, что они уже не имеют к ней отношения. Как будто она вышла из дома за хлебом и пошла дальше.

Земля внизу сначала стала плоской, потом облачной, потом просто светом.

Глава 5. Юг

Самолёт сел в одиннадцатом часу. Вера не сразу поняла, что это уже посадка: в окне долго тянулись зелёные холмы, потом блеснула полоса воды, потом всё качнулось, и колёса ударили о бетон. Кто-то в салоне захлопал. Сосед в вязаной шапке проснулся, огляделся с видом человека, у которого украли три часа жизни, и сказал: «Уже?»

Она включила телефон. Посыпались уведомления: рабочий чат, два письма от заказчика, сообщение от Кати — «Живая?». Вера ответила: «Приземлилась» и увидела, что в списке есть ещё один пропущенный от мамы, сделанный десять минут назад.

Перезвонила она уже в рукаве.

— Долетела? — спросила мама без приветствия.

— Да. Только что.

— Тепло?

— Тепло.

— Ну и хорошо. — Мама помолчала. — Ладно, я пойду, суп на плите.

В аэропорту воздух оказался густым и тёплым, пах чем-то незнакомым: то ли морем, то ли керосином от самолётов, то ли цветущей мимозой у входа. Деревья стояли вдоль стоянки сплошной жёлтой стеной, будто кто-то пролил краску и не стал вытирать. Вера вышла из терминала и останови-

лась. Пуховик, в котором она улетала из дома, на этом воздухе стал невыносим. Она расстегнула его до пояса, потом сняла совсем и понесла на руке. В зимних ботинках горели ноги.

Саша нашёл её сам. Пробился через толпу встречающих с табличками, обнял быстро, по-дружески, отстранился, посмотрел внимательно.

— Похудела, — сказал он. — И уставшая какая-то. Ничего, тут откормим.

Он изменился меньше, чем она думала. Загорелый, чуть более седой на висках, в светлой рубашке с закатанными рукавами, но та же уверенная, немного расслабленная манера держаться. Только глаза, она заметила это уже на парковке, были не такие, как в разговорах по видеосвязи год назад. Более настороженные, что ли. Или просто уставшие.

— Я думала, меня встретит водитель.

— Я не люблю, когда за рулём чужой, — сказал он, открывая багажник. — А тебя встречать приятно.

Машина была не такая, как она представляла: невысокая, тёмно-серая, внутри пахло кожей и каким-то хвойным освежителем. Саша ехал не быстро. Сначала они петляли между складами, потом выехали на трассу, а потом вдруг, на повороте, показалось море, настоящее, не на открытке. Серо-голубое, с белыми гребнями и рябью, огромное и бесстыдно спокойное. Вера прильнула к стеклу.

— Красиво, правда? — сказал Саша. — Я тут шесть лет

живу и каждый раз замечаю.

По дороге он показывал ей город, не навязчиво, между делом. Вот рынок, возле которого продают лучшую в городе шаурму, но по пятницам лучше не ходить, очередь. Вот кофейня, в которой он когда-то проработал три месяца без офиса, потому что надоело сидеть дома. Вот дерево, огромное, раскидистое, которое, по слухам, ровесник города. Она кивала и не запоминала ни названий, ни направлений. Улицы были жёлтыми от мимозы, на балконах сушилось бельё, у остановки торговка в платке продавала пучки веточек по цене двух поездок на автобусе.

Отель стоял в двух шагах от воды. Белое здание с узкими балконами, внизу кафе с плетёными креслами. На стойке девушка с безупречным пучком сверила паспорт с бронью и улыбнулась: «Добро пожаловать, мы вас ждали». Саша остался в холле, а Вера поднялась на пятый этаж с ключом-картой, которую долго не могла правильно вставить.

Номер оказался больше, чем вся её квартира. Светлый, с огромной кроватью, с креслом у окна и столиком, на котором стояла ваза с мандаринами. Она прошла по ковру в носках, потому что боялась ступить в ботинках, и открыла балконную дверь. Ветер ударил в лицо, влажный, солёный. Внизу тянулась набережная, за ней узкая полоса гальки, а дальше море, и на горизонте виднелась крошечная точка корабля.

— Располагайся, отдохни с дороги, — сказал Саша с порога. Он зашёл следом, поставил её чемодан у шкафа и сто-

ял, не проходя дальше, как стоят в чужих комнатах воспитанные люди. — Вечером ужин, я закажу столик. Никакой программы, никакого расписания. Захочешь — вообще из номера не выходи два дня, я не обижусь.

— Саш, спасибо.

— Не за что. — Он улыбнулся. — Это ты ещё не потратила ни рубля.

Он ушёл, и она осталась одна. Села на край кровати, потрогала покрывало, потом встала и начала разбирать чемодан, потому что ничего другого придумать не смогла. Вещи выглядели жалко: свитера, которые ей не понадобятся, джинсы, сарафан с голубым цветком. Она повесила платья в шкаф, пальто на крючок у двери. Кроссовки, единственные, которые она взяла, поставила у кровати. Чёрное платье, которое ей не понравилось на примерке, осталось в пакете, и она задвинула его подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.